

— мы не можем восстановить гласный пракоми языка. В этих случаях заимствования оказывают существенную помощь, поскольку в них отразились звуки более раннего периода развития языка. Так, только на основании заимствований мы можем определить прежнее качество гласных следующих слов: *ojim* 'полая вода', *ol* 'сырое место', *lqs* 'сырой луг', *şokır* 'мерин', *şortni* 'репа' (стр. 38); *jemdon* 'сталь', *ber* 'шест', *pež* 'старый', *şeva* 'порча (о кликушах)', *şereg* 'угол', *žep* 'карман', уд. *şemžer* 'утка' (стр. 47).

Интересно отметить круг слов из области хозяйства и культуры, перешедших из коми языка в мансийский. Они дают представление о том, в чем выразилось влияние коми народа на мансийцев. В рецензируемой книге этому вопросу посвящены стр. 81—89.

В заимствованиях видное место занимают названия предметов материальной культуры, как-то: жилище и его части — окно, чердак, печка, хлев, лавица (длинная скамья в избе, возле стены), стол, стул, колодец, замок; посуда и утварь — кринка, ковш, подойница, лопата; одежда и обувь — штаны, карман, охотничий плащ, коты (вид обуви), шелк, сукно, портянки; прочие предметы материальной культуры — сани, салазки, дуга, точильный брусок, пещня, ружье, веник, мыло,

изгородь, охотничья кладовая. Пища: квас, колобок, перец, сметана, хлеб, каша, шаньга (ватрушка), пиво, толокно, малина, земляника. Сельское хозяйство: бык, корова, овца, свинья, мерин, грива, узда, курица, горох, рожь, лен, репа. Металлы: золото, медь, сталь. Религия и мифология: черт, леший, дух-двойник, порча (о кликушах), молиться, крест (нательный), пост, дьякон (Реден последнее слово считает русским заимствованием, с чем нельзя согласиться, так как манс. *jākən* представляет собой точную копию коми *jakən*; кроме того, мансийцы с христианской терминологией познакомились через коми в XV—XVI вв., а с русскими в Сибири они встретились значительно позже). Прочие заимствования: счет, мера, наем, налог, книга, сказка, князь, богатый, бедный, рубль, кукла и т. д.

В заключение следует отметить, что исследование К. Реден имеет большое значение не только для исторической фонетики и лексики коми и мансийского языков, но и в целом для финно-угорского языкознания. Оно полезно также для лингвистов по общему языкознанию, для историков и этнографов, для всех тех, кто интересуется вопросами взаимовлияния языков, историей культуры вообще и историей финно-угорских народов в частности.

В. И. ЛЫТКИН (Москва)

<https://doi.org/10.3176/lu.1971.3.12>

Некоторые вопросы урало-алтайского языкознания (= Ученые записки Башкирского государственного университета имени 40-летия Октября, вып. 42, серия филологических наук, № 15 (19)), Уфа 1970. 67 стр.

Уже в XVIII веке шведский исследователь Ф. Страленберг выдвинул теорию о генетическом родстве уральских и алтайских языков. Однако в конце прошлого века, с применением сравнительно-исторического метода исследования родственных языков, генетическое родство уральских и алтайских языков было поставлено под сомнение. В настоящее время часть языковедов считает, что уральские и алтайские языки имеют лишь типологическое сходство и не являются генетически родственными. Другие же, в том числе сотрудники кафедры башкирского языкознания Башкирского государственного универси-

тета, вновь поднимают вопрос о генетическом родстве указанных групп языков.

Расхождение в мнениях свидетельствует о том, что вопросы родства алтайских и уральских языков до сих пор изучены недостаточно. Очевидно, для окончательного решения данной проблемы необходимы интенсивные исследования. В этом свете известный интерес представляет рецензируемый сборник, составленный Дж. Г. Киекбаевым.

Сборник открывает статья Дж. Г. Киекбаева «К вопросу о родстве урало-алтайских языков», представляющая собой вводную часть программы курса «Введе-

ние в урало-алтайское языкознание». Установление генетического родства рассматриваемых языков Дж. Г. Киекбаев считает возможным и необходимым, исходя из категории определенности и неопределенности в уральских и алтайских языках, которая, по словам автора, пронизывает всю грамматическую систему названных языков и проявляется как в сфере имени, так и в сфере глагола, а также одновременно в обеих сферах. В развитии грамматических форм уральских и алтайских языков главенствующую роль исследователь приписывает постпозитивным показателям определенности и неопределенности, которые в сущности являлись и являются суффиксированными артиклевыми элементами. Автор указывает, что эти показатели определенности и неопределенности придают предмету такие значения, как притяжательность, предикативность, единичность, двойственность, множественность, пространственность, наличие или отсутствие того или иного качества или предмета и некоторые другие.

Статья М. З. Закиева «О некоторых синтаксических моделях в алтайских и уральских языках» посвящена рассмотрению синтаксических моделей, которые составляют специфические особенности уральских и алтайских языков и не встречаются в виде системы в других языковых группах. К таким моделям автор относит лексико-грамматические отношения между словами в предложении при подчинительной связи, определяя их как предикативные, конкретизирующие и уточнительные.

Предикативные отношения устанавливаются между подлежащим и сказуемым. Здесь уральские и алтайские языки объединяет то, что современные средства связи между подлежащим и сказуемым можно рассматривать как восходящие к послесказуемому местоименному подлежащему общей модели языка-основы *подлежащее — сказуемое — подлежащее*.

Общей для уральских и алтайских языков оказывается и синтаксическая модель, образованная на основе конкретизирующего отношения, когда средство связи занимает промежуточное положение после зависимого слова и перед господствующим членом. Для изучаемых языков такими средствами связи служат падежные окончания, послелогои и послеложные сло-

ва. Характерно для рассматриваемых языков и простое соположение зависимого и господствующего слов, когда в качестве зависимого слова выступают имена существительные, местоимения, числительные и прилагательные.

В моделях, образованных на основе уточнительного отношения, в данных группах языков уточняющий член всегда следует за уточняемым, согласуется с ним и обособляется. Уральские и алтайские языки отличаются от других групп языков также тем, что сочинительная связь как между словами, так и между предложениями исторически осуществляется при помощи интонационных средств.

В следующих трех статьях Н. Х. Ишбулатова, А. А. Камалова и Э. Ф. Ишбердина прослеживаются лексические закономерности уральских и алтайских языков.

Сравнивая башкирский и финно-угорские языки, Н. Х. Ишбулатов обнаруживает значительное количество общих слов, обозначающих явления природы, животный и растительный мир, орудия труда, посуду и приготовление пищи, части тела, надворные постройки, одежду, а также топонимические названия, термины родства, ориентализмы и ряд различных глаголов, прилагательных, служебных слов. Рассматриваются также некоторые фонетические соответствия в лексических параллелях башкирского и финно-угорских языков.

В статье А. А. Камалова выявляется общность многих гидронимических названий на территории Башкирии для уральских и алтайских языков.

Э. Ф. Ишбердин излагает данные наблюдений над названиями птиц в некоторых уральских и алтайских языках. Он устанавливает целый ряд названий, общих для языков рассматриваемых групп.

В статье М. А. Ахметова «Синтаксический способ глаголообразования в языке орхоно-енисейских памятников» рассматриваются глаголы, состоящие из двух компонентов, но имеющие одно значение, «органически выросшее» из значений компонентов, а именно — глаголы, состоящие из имени и вспомогательных глаголов с отвлеченным значением, из имени и так наз. окказионально-вспомогательных глаголов, и парные глаголы. Данные глаголы сравниваются также с глагольными об-

разованиями в современном башкирском и татарском языках.

Статья Б. Х. Юлдашбаева «Тюрко-алтайская проблема применительно к истории языкового вызревания башкирской нации» затрагивает вопросы языкового формирования башкирской нации как процесса потенциального вызревания в недрах алтайско-тюркской этническо-языковой общности, постепенного выделения из нее и последующего эволюционного становления.

Как явствует из многих работ, авторы ставили перед собой скромную задачу — изложить первоначальные наблюдения в уральских и алтайских языках, поэтому статьи изобилуют конкретными языковыми примерами, в которых, к сожалению, встречается недопустимо много ошибок. Во всех статьях выявлены языковые па-

раллели в изучаемых группах языков. Однако ясно, что данные предпринятых наблюдений не дают еще полного права утверждать о генетическом родстве рассматриваемых языков, ибо для этого необходимо установление грамматических, лексических и фонетических закономерностей. Заметим, что трудно согласиться с Дж. Г. Киекбаевым, когда он пишет, что установить генетическое родство урало-алтайских языков можно только по грамматическим признакам (стр. 7).

Опубликование сборника — очередной шаг в установлении действительных отношений между уральскими и алтайскими языками. Материалы сборника побуждают к дальнейшим исследованиям в области урало-алтаистики.

Ч. Ю. ЛАТЫПОВ (Уфа)

Л. И. Ройзензон, А. М. Бушуй, *Материалы к общей библиографии по вопросам фразеологии, вып. II. (Под редакцией проф. М. М. Копыленко). Самаркандский государственный университет им. А. Навои. Труды № 186, Самарканд. 1970, 290 С.*

In den letzten Jahrzehnten haben die sowjetischen Sprachwissenschaftler sich sehr intensiv mit den Problemen der Phraseologie beschäftigt. Heutzutage ist es schon fast unmöglich, sich in dieser Unmenge von verschiedenen phraseologischen Untersuchungen aller Sprachen der Sowjetvölker ohne bibliographische Verzeichnisse zurechtzufinden. Die vorliegende phras. Bibliographie von Samarkander Sprachwissenschaftlern hat zwar Vorgänger¹, doch ist sie das umfangreichste in der UdSSR bisher herausgegebene Bücherverzeichnis dieser Art (290 S.). Die Verfasser nennen ihr Werk bescheiden nur «Vorbereitungen zu einer zukünftigen allgemeinen phras. Bibliographie» (S. V), weswegen sie versuchen, auch alle außerhalb der UdSSR herausgegebenen phras. Neuerscheinungen möglichst vollständig zu registrieren. Hauptsächlich wird die Periode von 1963 bis 1969 erforscht (mit Rücksicht

auch auf frühere Lücken), wobei, im Vergleich zu der vorigen Bibliographie der Samarkander, der Anteil der fremdsprachigen Literatur bedeutend zugenommen hat. Die Arbeit von L. Rojzenzon und A. Bušuj ist eine thematische phras. Bibliographie. Das ganze Material wird verschiedenen thematischen Gruppen untergeordnet, wobei die 29 Themen noch zahlreiche Unterabteilungen haben. Zu den Hauptthemen gehören z. B. die allgemeinen Probleme der Phraseologie (verschiedener Sprachen), die Kennzeichen der Phraseologismen, die Forschungsmethoden der Phraseologie, die Klassifikation und Strukturtypen der Phraseologismen, die phraseologische Synonymie, Homonymie, Antonymie und Polysemie, gegenseitige Beziehungen zwischen den Wörtern und Phraseologismen, die phraseologische Derivation, die Entstehung und Entwicklung der Phraseologie verschiedener Sprachen, die etymologische Erforschung der Phraseologie, die Verwendung und der stilistische Charakter der phras. Einheiten, das Übersetzen und die Maschinenübersetzung von Phraseologismen u. a. Als spezielles Thema gilt noch die Parömiologie (S. 199 ff.). Am Ende des Buches stehen 5 Register, unter anderem auch das Verzeichnis aller Autoren, die

¹ В. Н. Сергеев, *Библиографический указатель литературы по фразеологии, изданной в СССР с 1918 по 1961 гг. — Проблемы фразеологии, Москва—Ленинград 1964, S. 255—317; Л. И. Ройзензон, М. А. Пеклер, Материалы к общей библиографии по вопросам фразеологии. — Вопросы фразеологии, Ташкент 1965, S. 147—244.*